

Матвеев, Г.Ф. Вопросы развития польского сельского хозяйства и крестьянского движения на страницах журнала «Аграрные проблемы». 1927–1935 гг. / Г.Ф. Матвеев // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 2. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск : БГУ, 2007. — С. 33–50.

Г. Ф. Матвеев

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ПОЛЬСКОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «АГРАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ». 1927–1935 гг.

Неудача прямого штурма капитализма в 1917–1920 гг., поражение вооруженных выступлений коммунистов в Болгарии и Германии в 1923 г. показали вождям III Интернационала необходимость более основательной подготовки к социалистической революции, в том числе и путем завоевания новых союзников, прежде всего крестьянства. С этой целью в октябре 1923 г. в Москве была проведена Международная крестьянская конференция с участием 157 делегатов от 40 национальностей (включая проживавших в СССР), признавшая «необходимость вступления международного крестьянства на путь революционной борьбы в союзе с революционным пролетариатом». Конференция наметила основные пункты программы и стратегии революционной борьбы крестьянства в национальном и международном масштабе.

Самым главным ее итогом можно считать создание Международного крестьянского совета (МКС, Крестьянский интернационал, Крестинтерн) в качестве центрального органа новой структуры, которую еще предстояло сформировать, ибо на момент создания этого руководящего органа «не было никаких оформленных, солидных организаций, на которые он мог бы опереться. Эти организации нужно было еще создавать, и притом создавать в чрезвычайно трудной обстановке». В качестве первоочередных МКС определил для себя два направления деятельности: 1. Преодоление недоверия крестьянства к пролетариату, порожденного враждебным отношением социал-демократии к крестьянству. 2. Подготовка кадров организаторов будущих массовых крестьянских политических организаций, особенно из среды бедноты, на которую Крестинтерн ориентировался в первую очередь. По прошествии немногим более года, МКС констатировал, что благодаря активной пропагандистской деятельности удалось достичь определенных успехов, «в целом ряде крестьянских организаций различных стран мы видим в настоящее время возникновение левого крыла, которое идет навстречу лозунгам и выступлениям Крестьянского Интернационала. Эти группы не стали еще окончательно под знамя МКС, но они — иногда медленно, иногда быстро — идут по пути к такой группировке»¹.

Международная крестьянская конференция приняла также решение об организации при МКС Международного аграрного института (МАИ)². Цели и задачи МАИ были определены весьма неоднозначно. По уставу — МАИ преимущественно научное учреждение, в задачи которого входили: «1. Изучение аграрного вопроса и крестьянского движения в разных странах. 2. Содействие Крестинтерну и другим общественным, политическим и государственным организациям и учреждениям в части теоретической разработки и подбора материалов по отдельным вопросам, стоящим в их практике. 3. Популяризация теоретических и практических знаний в области

Матвеев Геннадий Филиппович — заведующий кафедрой истории южных и западных славян МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор

аграрного и крестьянского движения. Для этого [МАИ]: собирает и популяризирует материалы по всем отраслям аграрного вопроса и крестьянского движения в разных странах и организует их научную разработку; создает библиотеку, кабинеты для научных занятий и другие подобные органы; устанавливает связь как с научными, общественными, политическими, государственными организациями и учреждениями, так и с отдельными лицами; изучает отдельные вопросы, возникающие в практике связанных с институтом организаций и учреждений»³. Крестинтерн же делал акцент на политические функции МАИ. Т. Домбаль, один из создателей и руководителей МКС, выступая 17 апреля 1925 г. на его II пленуме с докладом «Задачи и достижения Крестинтерна», так определил будущую деятельность Аграрного института: «МАИ будет лабораторией, где будут

выковываться орудия против помещиков и капиталистов. Аграрный институт вместе с Крестинтерном кооперативов (МКС планировал создать такую организацию. — Г. М.) станет звеном, которое, после завоевания власти в буржуазных странах крестьянами и рабочими, будет связывать город с деревней, будет связывать сельское хозяйство с промышленностью, станет органом, который будет изучать пути более тесной хозяйственной увязки, сотрудничества рабочих и крестьян... Аграрный институт должен будет раскрыть трудящемуся крестьянству истинное положение и указать те факторы, которые имеются в крестьянском движении, чтобы можно было сделать соответствующие выводы для усиления борьбы крестьян против капитализма»⁴.

Это несовпадение целей, ставившихся перед МАИ Крестинтерном и уставом института, было столь очевидным, что не заметить его было просто не возможно. В условиях, когда СССР пытался нормализовать отношения с внешним миром, создание еще одной подрывной структуры на его территории вряд ли способствовало бы этому процессу. Поэтому Крестинтерн внешне скорректировал свою позицию, хотя, по сути, она осталась прежней. Это хорошо видно из речи, произнесенной Т. Домбалем от имени президиума МКС на торжественном открытии института 8 марта 1926 г. На этот раз он заявил, что институт «ставит себе целью служить делу трудовых крестьян в противовес Римскому МАИ, основная задача которого — содействовать укреплению власти помещиков и капиталистов. В передовых слоях крестьянства с каждым днем ширится сознание, что без союза с наукой победить невозможно... Отсюда — решение заключить союз с лучшими представителями науки, готовыми отдать свои знания на благо трудящихся... Наш институт отличается от Римского аграрного института и тем еще, что он в своих исследованиях будет исходить из незыблемых положений научного марксизма... Одна из его основных задач — исследовать процесс революционной борьбы и перехода к мирному строительству, изучить опыт и наметить пути строительства в сельском хозяйстве нашего Союза, чтобы дать надлежащие указания другим странам. Таким образом, институт должен стать в области изучения аграрного вопроса единым научным центром СССР и ленинским центром в мировом масштабе. Советские аграрники должны образовать его ядро, вокруг которого сплотятся лучшие представители науки за границей». Следовательно, МАИ по-прежнему рассматривался МКС как организация, прежде всего служащая делу подготовки крестьянства к революционной борьбе за социализм. Директор МАИ Н. Л. Мещеряков был не столь категоричен в определении задач создающегося учреждения. Его доклад представлял попытку марксистской интерпретации истории крестьянско-

го движения со средних веков до современности. Он заключил его следующей фразой: «Для того чтобы в различных странах вести освободительную борьбу крестьянства, необходимо создать научную базу, на которой должно быть построено международное крестьянское движение; эту задачу и должен выполнить МАИ». Тем самым научной деятельности института придавался прикладной характер, но не делался столь сильный, как в докладе Домбала, акцент на использовании результатов работы института для подготовки крестьянства к революции. И совсем уже в полном соответствии с уставом изложил задачи МАИ заместитель директора профессор С. М. Дубровский. По его словам, «основная цель института — изучение социальных отношений, складывающихся в сельском хозяйстве. Этим он резко отличается от Римского АИ... Римский институт вопросами социальных и классовых отношений в деревне совершенно не интересуется. Не касаются их и различные институты, существующие в нашем Союзе и работающие по аграрному вопросу в других разрезах. Из указанной основной цели нашего института вытекает и вся его организационная и научная структура. Он представляет собой организацию беспартийную и общественную, связанную только с Крестинтерном. В состав его входят отдельные общественные и политические организации, а также ряд видных научных работников по аграрному вопросу и видных деятелей крестьянского движения»⁵.

Организационный период в развитии МАИ в основном завершился в 1929 г. С этого времени центр тяжести был перенесен на научную работу, остро встал вопрос о научных кадрах. При институте была открыта аспирантура, организован теоретический семинар, утвердилась практика приглашения специалистов со стороны. Сбором материалов по аграрному вопросу и крестьянскому движению в Польше занималась Мацневская. Быстро пополнялась институтская библиотека, ее фонд насчитывал в 1929 г. 112 тыс. книг, выписывалось более 500 периодических изданий. Началось налаживание научных связей с зарубежными учреждениями и научными центрами, в Польше это было министерство сельского хозяйства и аграрных реформ⁶.

Несовпадение представлений о целях МАИ найдет впоследствии выражение на страницах его печатного органа — журнала «Аграрные проблемы», издававшегося с июля 1927 до конца 1935 г.

Журнал был задуман как ежемесячный, но чаще всего отдельными книжками издавались его спаренные номера. В данной статье будут проанализированы публикации журнала, касавшиеся положения польского села. Польские сюжеты относились к числу постоянных. За время существования журнала на его страницах было напечатано 25 материалов, прямо относившихся к польскому сельскому хозяйству и крестьянскому движению, в том числе 11 статей аналитического характера, 8 тематических обзоров и хроникальных материалов, 6 рецензий на работы польских авторов. Первая аналитическая статья была напечатана в 1930 г. Отдельные сюжеты, прежде всего касавшиеся аграрной реформы и положения крестьянства в Польше, затрагивались в статьях общего характера. Круг авторов журнала, писавших по польским проблемам, не был постоянным. Я. Михальчук был автором трех рецензий, по одной опубликовали Ю. Яркин, Э. Орловский, Ю. Брун. Из обзоров только один был авторским и принадлежал Оскару Червецу. В. Яновский, Г. Аронский опубликовали по одной статье, А. Соколовский — две, Б. Тарашкевич — три, Я. Михальчук — четыре. Странно, но Т. Домбаль не напечатал ни одной статьи по польской проблематике, хотя он публиковался в журнале.

Уже в первом номере «Аграрных проблем» были сформулированы критерии всего последующего анализа интересующих нас проблем. Это было сделано С. М. Дубровским в установочной статье «Современный аграрный вопрос и задачи его изучения», где ставился вопрос о специфике экономического развития капиталистических государств после мировой войны. В связи с этим автор выделил две группы стран. Для одних (Франции, Японии, Австралии, Аргентины, Бразилии, Индии, Китая) была характерна значительная индустриализация, расширявшая внутренний рынок для продукции сельского хозяйства. В других же, менее развитых, преобладала тенденция к аграризации. Дубровский выделил три типа аграризации. К первому он отнес страны, где развиваются и сельское хозяйство, и промышленность, но при опережающих темпах роста первого. Для стран второго типа характерно разрушение и сельского хозяйства, и промышленности, которая разрушается сильнее, поэтому страна приобретает более аграрный характер. В странах третьего типа (к ним Дубровский причислил Польшу и Чехословакию) «при развитии сельского хозяйства, хотя и замедленном, промышленность разрушается или находится в состоянии застоя». В качестве причин упадка промышленности в странах третьего типа были названы ее разрушения в результате военных действий, а также «раздел побежденных стран и разрыв в результате этого цельных хозяйственных организмов, когда в отдельные страны были выделены или только аграрные куски, или районы с сильно развитой промышленностью, что привело промышленность в этих странах, лишенную внутренней спайки, к распаду». По мнению Дубровского, процесс аграризации сопровождался двоякими последствиями. В экономической области — сужением внутреннего рынка для продукции как промышленности, так и сельского хозяйства, ростом зависимости от внешнего рынка с тенденцией превращения государств этого типа в полукolonии. В области классовых отношений — резким обострением классовой борьбы (пример именно Польши). Интересен критерий оценки аграрных реформ в ряде стран. Главным автор считал то, идут ли аграрные реформы по линии перехода от крепостного к капиталистическому хозяйству, «хотя бы замедленного, хотя бы такого перехода, который не приводит к положительным для господствующих классов результатам, или же они идут лишь по линии перемещения только в рамках капиталистического хозяйства, именно, по линии перехода от крупного капиталистического хозяйства к мелкому». Дубровский склонялся к позитивной оценке аграрных реформ, полагая, что «отрицание или недооценка наличия остатков крепостничества в этих странах приводит к неправильному пониманию их аграрного строя, а соответственно и к неправильному пониманию смысла и значения крестьянского движения»⁷.

Таким образом, Польша была определена руководством МАИ как страна, лишенная перспектив успешного или просто сносного экономического развития, т. е. в качестве слабого звена мировой капиталистической системы. И даже рекомендация объективно оценивать проводимые в буржуазных странах аграрные реформы не меняла смысла общей установки о неизбежности обострения классовой борьбы.

В сходном со статьей Дубровского духе была выдержана опубликованная в том же номере пространная рецензия Ю. Яркина на работу Адама Посе «Le probleme agraire en Pologne» (Varsovie, 1926). Отметив двойственный характер аграрных реформ, рецензент предостерег видеть в них только одну сторону — неспособность уничтожить остатки феодальных порядков. Это значило бы «игнорировать диалекти-

чески прогрессивный их элемент... Но еще более грубой ошибкой было бы закрывать глаза на тот факт, что аграрные реформы застревают в феодальных и полуфеодальных пережитках, и оспаривать положение, что они ведут не к смягчению классовых противоречий, а к неизбежному их обострению...». Яркин дал развернутую характеристику экономики Польши, определив ее как аграрную. Это обосновывалось высокой долей сельского населения (63 %) и полуфеодальным характером аграрных производственных отношений. Сославшись на данные о структуре земельной собственности из книги польского автора Людкевича (Ludkiewicz) «Аграрная политика» (1921), Яркин сделал следующие наблюдения о Польше — «аграрная страна; латифундии наряду с карликовыми хозяйствами и чересполосицей в крестьянских владениях; высокая плотность сельского населения и его пролетаризация...». Яркин указал и на различия в аграрных отношениях в разных частях страны, выделив «конгрессовую» Польшу, восток (Галиция, Волынь, белорусские земли, Виленщина) и запад. Им был назван и национальный момент — «неравномерная доля участия различных национальных групп во владении землей», но каких-либо точных данных не приводилось за их отсутствием. Исключением были Познань и Западная Пруссия (Великая Польша и Восточное Поморье), в отношении которых Яркин сослался на работу Хольмана (Hollmann) «Die polnische Agrarreform». Весьма характерным был и вопрос рецензента: «Что же было сделано буржуазией этого молодого, но в социальном отношении разлагающегося государства, чтобы наполнить старые меха новым вином?». Таким ответом на вызов времени он считал аграрную реформу. Ее происхождение Яркин связывал с описанной им ситуацией в сельском хозяйстве; заинтересованностью буржуазии в «сохранении политической системы вообще», ради чего она согласилась на некоторые жертвы в сфере крупного землевладения; заинтересованностью в реформе самой шляхты. Яркин суммировал, что «происхождение и течение польской аграрной реформы определяется игрой двух факторов — городской промышленной буржуазии и крупного землевладения»⁸.

По убеждению рецензента, польская аграрная реформа свелась к четырем мероприятиям: раздроблению латифундий; уничтожению чересполосицы; отмене сервитутов; уплате возмещения за отчуждаемую землю. Яркин подметил неотчуждаемость у помещика живого и мертвого инвентаря при отчуждении земли, а также изъятия из закона в случае, если сохранения поместья требуют «специальные интересы». Проанализировав данные о размерах всех видов parcelляции (государственной, землеустроительных обществ, частных лиц) за 1919—1925 гг., почерпнутые из работы Росе и «Rocznika statystycznego» за 1925 г., Яркин констатировал, что они «обнаруживают не только до смешного малый размер parcelлирования, но и обнажают механизм его проведения — предпочтение, которое отдается свободной раздаче земель самими собственниками перед принудительным землеустройством через государство». Был затронут и национальный аспект. Сопоставив данные о размерах parcelляции в бывшей прусской Польше, «конгрессовке», Восточной Польше и Галиции, Яркин пришел к заключению, что участие государства в parcelлировании обратно пропорционально доле крупных поместий, принадлежащих полякам. Поэтому польскую реформу он отнес к правому крылу послевоенных аграрных реформ, так как она ставит целью создание «сильных, здоровых и высоко производительных хозяйств разных типов и разной величины, составляющих частную собственность их владельцев, и

тем самым создает иллюзию капиталистической организации польского сельского хозяйства, для которой, однако, нет налицо ни хозяйственных, ни финансовых, ни социальных предпосылок». Яркин развил тезис о заинтересованности крупных землевладельцев в выкупной системе, которая не только давала им необходимый капитал, но и позволяла освободиться от части земли для понижения налогового бремени. Выкупную систему он считал подтверждением того, что «в действительности аграрная реформа в Польше проводится не против крупных землевладельцев, а в полном согласии с ними». Задался Яркин и вопросом, способна ли реформа довести до уровня хозяйственной самостоятельности более 2 млн хозяйств площадью до 2 га, не говоря уже о сельском пролетариате, и дал на него отрицательный ответ. В этом он увидел не только еще один пример обмана крестьян, но и начало создания резервной армии труда, необходимой для индустриализации. Общий вывод рецензии гласил, что «задуманная в духе Столыпина аграрная реформа польских фашистов не разрешает аграрного вопроса в Польше. Она только заводит в тупик. Земельный вопрос по-прежнему остается одним из важнейших объективных революционных факторов, который не дает польскому обществу

прийти в равновесие и накапливает все новый взрывчатый материал. Разрядить эту атмосферу сможет только революция польских крестьянских масс под предводительством развивающегося промышленного пролетариата, который как раз и создается фашистской аграрной политикой»⁹.

Уже эти первые развернутые публикации в «Аграрных проблемах» наметили основные направления в освещении проблем польского села печатным органом МАИ: показ объективной необходимости буржуазных преобразований в сельском хозяйстве; непоследовательность и неэффективность мер правительства; нарастание недовольства широких крестьянских масс, которое вот-вот выльется в революционное наступление. Последний тезис чаще всего имел умозрительный характер и не всегда вытекал из нередко вполне серьезного анализа.

В том же июльском номере 1927 г. в разделе «Хроника» была помещена статья, посвященная крестьянскому движению в Польше. Отметив высокую конъюнктуру в первой половине 1926 г., вызванную стачкой английских горняков, хорошим урожаем 1925 г. и высокими ценами на сельхозпродукцию, автор обзора вместе с тем указал на признаки приближающегося серьезного экономического кризиса. Согласно его прогнозу, недовольство своим положением крестьянских масс будет расти непрерывно, потому что «благоприятных перспектив на хозяйственное положение Польши в 1927 г. нет», должны возникнуть «громдные затруднения, которые могут глубоко потрясти экономическую и политическую жизнь Польши». В долгосрочной перспективе его прогноз был верным, но для 1927 г. он имел явно предвзятый характер. Было отмечено, что аграрная политика, с одной стороны, «согласуется со стремлением американского и германского капитала, желающих иметь в Польше полуколониального поставщика сырья и сельскохозяйственных продуктов и рынок сбыта для своей промышленной продукции (курс на аграризацию страны)», а с другой — «идет по линии интересов крупных аграриев». Завершался обзор характеристикой левого крестьянского движения в Польше, представленного Независимой крестьянской партией, Белорусской крестьянско-рабочей громадой и украинским Сель-Робом. Они вынуждены вести свою деятельность в новых условиях, когда «фашизм разлагает все другие крестьянские организации, содействуя их расколу, и таким об-

разом пытается дезорганизовать и уничтожить всякую возможность протеста организованных крестьянских масс против его военных затей...». В связи с этим левое и национально-освободительное крестьянское движение должно найти новые методы действия, особенно нужно укрепиться «на хозяйственной базе в различных кооперативных организациях, чтобы дать отпор фашизму, усиленно пытающемуся подвести под себя и крестьянскую базу»¹⁰.

Следующая публикация о Польше появилась в «Аграрных проблемах» спустя год. Это был обзор Оскара Червеца, построенный на солидных данных «Rocznika statystycznego», «Kwartalnika statystycznego» и работе В. Грабского «Społeczne gospodarstwo agrarne w Polsce». Сделав дежурное заявление, что «тактика фашистской диктатуры не только не смягчает остроты земельного голода в Польше, но, наоборот, еще больше углубляет его..., усиливая классовую борьбу в деревне», Червец провел достаточно глубокий анализ положения польского сельского хозяйства по отдельным параметрам. Была рассмотрена демографическая ситуация в деревне, структура земельной собственности, результаты парцеллирования, сезонная эмиграция, цены на сельхозпродукцию, правительственная политика. В обзоре были затронуты и ранее не поднимавшиеся темы: положение постоянных и сезонных сельхозрабочих, налоговая политика в отношении крестьян, сервитуты. Это действительно были далеко не второстепенные сюжеты. Так, в 1921 г. рабочие на селе составляли 14,5 % активного сельского населения — почти 1,5 млн чел. Именно их автор обзора причислил к основным жертвам проводимой помещиками рационализации своих хозяйств. Она вела к увольнению постоянных сельхозрабочих и замене их сезонными, снижению зарплаты в денежном и натуральном (ординарии) выражении, ухудшению условий труда, распродаже неудобной земли и мелких излишков удобной, в результате чего сокращалась потребность в сельхозрабочих. Отметил Червец и такой факт, как невозможность получения сельхозрабочими банковских кредитов на приобретение земли и обзаведение хозяйством. Следует отметить важное положение обзора Червеца, согласно которому среди приобретших в 1919—1927 гг. землю малоземельных и безземельных крестьян (а их было соответственно 64 849 и 31 773 из 107 640 чел.) большинство составляли сыновья кулаков. Этот тезис не подтверждался какими-либо данными, но и опровергнуть его достаточно сложно, так как не было соответствующей статистики и результатов социологических опросов. Авторский вывод выдержанного в обличительном духе обзора был вполне традиционным: «капиталистическая стабилизация под властью фашистской диктатуры не только не обещает ослабления крестьянского вопроса в Польше, но,

наоборот, углубляет его содержание. Наглядным доказательством этого является рост влияния польской компартии среди крестьянства, а также громадный рост радикальных крестьянских партий (Независимая крестьянская партия — 20 тыс. членов, Белорусская крестьянско-рабочая громада — более 100 тыс. членов)¹¹.

Редколлегия «Аграрных проблем» внимательно следила за развитием экономической ситуации в Польше. Об этом говорит рецензия Э. Орловского на издание польского премьер-министра К. Бартеля «Графики, характеризующие развитие хозяйственной жизни Польши в 1924—1927 г. включительно» (Варшава, 1928). Работа представляла собой 28 таблиц, использованных Бартелем в его лекции «Картина положения Польши по ортогональным координатам», которую он прочитал 19 февраля

1928 г. в Львовском политехническом институте. Рецензент, изложив содержание работы и не оспаривая статистики, заключил, что картина экономической жизни далеко не полна. Он, приведя в рецензии недостающие статданные, констатировал рост производительности труда и продолжительности рабочего дня при существенном сокращении зарплаты рабочих и росте цен на хлеб. Кроме того, им были отмечены сокращение с 1928 г. денежного обращения и сбыта промышленной продукции, отрицательный баланс внешней торговли. На основании собственного анализа экономической ситуации Орловский пришел к выводу, что проигнорированная Бартелем тенденция «ставит под прямой удар с таким трудом достигнутую стабилизацию польского золотого и создает неустойчивое равновесие для всей экономической жизни Польши». Вывод рецензента был сколь неутешителен, столь и верен: «Не может быть никакого сомнения в том, что после подъема 1926—1927 гг., уже в 1928 г., Польша снова входит в новую полосу серьезного экономического кризиса»¹².

В 1929 г. проблематика польского села была представлена в «Аграрных проблемах» весьма скромно — пространной рецензией Ю. Бруна на брошюру Вацлава Кондерского «Проблема финансирования аграрной реформы». По мнению автора рецензии (видного деятеля польской компартии Ю. Броневича), закон об аграрной реформе от 28 декабря 1925 г., в отличие от аграрного законодательства первых лет Польской республики, «острием своим направленным против крупной земельной собственности», свелся «к распределению на льготных условиях казенных земель и к поощрению добровольного парцеллирования помещичьей земли». При консервативном характере закона уцелевшие в его тексте остатки «радикальных увлечений» (допущение принудительного отчуждения земли в случае, если добровольное парцеллирование не достигнет определенного размера) «лишены практического значения». Ю. Брун выступал против отождествления польской аграрной реформы со столыпинской. Он считал, что такое сравнение «приемлемо лишь с большими оговорками»¹³. Тем самым Ю. Брун вступал в спор с упомянутой точкой зрения Ю. Яркина.

Кроме того, в рубрике «Мировое статистическое обозрение» были приведены без каких-либо комментариев данные о поденной зарплате постоянных сельскохозяйственных рабочих в Келецком, Люблинском, Познанском и Поморском воеводствах за 1927—1928 гг., взятые из «Revue internationale du Travail» (Vol. XVIII, № 6), а также сведения о результатах проведенного в Польше в 1919—1928 гг. парцеллирования, а также ликвидации чересполосицы и сервитутов, почерпнутые из «Rocznika statystyki» за 1928 г.¹⁴ Летом 1929 г. на берлинской конференции левых крестьянских деятелей было решено провести в Берлине в 1930 г. конгресс трудящихся крестьян Европы, где планировалось обсудить проблемы их борьбы за улучшение экономического положения, против угрозы фашизма и войны. В комитет по созыву конгресса вошел от Польши депутат сейма Ст. Войтович-Вальницкий.

В первой книжке «Аграрных проблем» за 1930 г. был помещен отчет о ходе подготовки к конгрессу в разных странах, в том числе и в Польше. Здесь в сентябре 1929 г. состоялась конференция крестьянских деятелей, избравшая национальный комитет по подготовке конгресса. В его состав вошли представители «Самопомощи хлопской», Стронництва хлопского, кредитных касс Стефчика, сельхозкооператива «Стода», кооперативов «Звязз» и «Сельский господарь», вице-председатель окружного комитета ПСЛ — «Вызволене» Ковальский, депутат сейма Вальницкий, предста-

вители крестьянских организаций украинского, польского, литовского и немецкого нацменьшинств. Конференция обратилась с воззванием ко всем трудящимся Польши, решила организовать низовые комитеты и издавать информационный бюллетень для освещения хода подготовки к конгрессу.

Несмотря на чинимые властями препятствия, была развернута активная деятельность и к началу января 1930 г. по всей Польше было образовано 139 комитетов, в том числе 111 деревенских и 28 окружных¹⁵.

К теме европейского конгресса трудящегося крестьянства, прошедшего в Берлине 27—29 марта 1930 г., журнал вернулся еще раз уже после его окончания. В итоговой статье отмечалось, что в Польше было создано около 200 местных, окружных и районных крестьянских комитетов по подготовке к конгрессу, но не все избранные делегаты смогли принять в нем участие. Один из них был жестоко избит полицейскими в Гродно, многие арестованы. Все же на конгрессе присутствовали 17 польских делегатов, а Войтович был избран в президиум конгресса¹⁶.

Мировой экономический кризис, поразивший западный мир на рубеже 20—30-х гг. XX в., не обошел стороной и сельское хозяйство Польши. Анализом его воздействия на аграрный сектор польской экономики первым на страницах журнала занялся В. Яновский. Он обстоятельно рассмотрел несколько принципиальных для понимания характера мирового экономического кризиса проблем.

1. Движение цен на сельхозпродукцию на внутреннем и мировом рынках, движение индексов цен на сельскохозяйственные и промышленные товары, соотношение цен на продукты растениеводства и животноводства.

2. Задавшись вопросом о причинах кризиса, отверг как несостоятельные позиции буржуазных экономистов, одни из которых, преимущественно аграрии, видели их в перепроизводстве, другие — «всякого рода “демократы”», в падении потребления, третьи — в недостатках денежного оборота в земледелии. Виднейшими теоретиками первого направления он называл Курта Риттера, а в Польше видного экономиста эндека Е. Гостицкого, второе связывал с ППС, а третья — с Грабским (скорее всего Владиславом). По мнению Яновского, две первые теории — «в сущности, стараются объяснить движение цен, а не существенные причины кризиса», что же касается третьей, то она опровергается американским опытом — «американское земледелие, например, получило огромные кредиты, благодаря которым наступление кризиса несколько было замедлено, но ничуть не предотвращено». От взгляда Яновского не ускользнули несомненные успехи мирового сельского хозяйства, которое во время «стабилизационного» периода проделало тот же путь, что и промышленность, особенно в странах, где земледелие базировалось на чисто капиталистических основах. Он подробно остановился на двух главных процессах, наблюдавшихся в период «временной стабилизации» в аграрном секторе. Первым процессом была рационализация — внедрение новой технологической базы не только в промышленность, но и в сельское хозяйство. «Некоторые успехи» рационализации автор видел и в Польше: устранение чересполосицы, ликвидация сервитутов, мелиорация почв, парцеллирование имений, распространение машин и искусственных удобрений, рост урожайности по сравнению с довоенным временем. Вторым процессом была картелизация, охватившая в Польше, главным образом, сельскохозяйственную промышленность и торговлю, особенно экспортную. (Были перечислены конвенция плантаторов сахарной свеклы, синдикат плантаторов хмеля, централ льна в Вильно, конвенция торговых мель-

ниц в Познани, картель макаронных фабрик, объединение экспортеров спирта, объединение водочных фабрик, синдикат дрожжевых фабрик, объединение крахмальных фабрик, картель суперфосфатных фабрик, синдикат торговцев косами.) Главную же роль в картелизации деревни Яновский отводил объединениям кооперативов, особенно молочно-яичных, «которые тянут из середняцкого и бедняцкого крестьянства... все то, что у него годится на рынок, а в особенности — на вывоз»¹⁷.

3. Автор статьи обратился к анализу мер, с помощью которых капитализм боролся с кризисом. Он их разделил на три группы: «средства, так сказать, индивидуального характера, средства своего рода общественной самопомощи и, наконец, средства государственные». К первой группе он отнес переход от продукции зерновых к животноводству или, по крайней мере, от продукции ржи к производству пшеницы. Но в Польше этот путь не обещал привести к быстрым результатам, так как требовал времени и капитала. Не способствовала ему и ситуация на мировом рынке сельхозпродукции. Вместо дальнейшей интенсификации польского сельского хозяйства отчетливо просматривался его регресс. Вторую группу средств, включавшую в себя кредитную, производственную сельхозкооперацию и картелизацию, Яновский также считал неэффективной. В этой связи он подробно остановился на польско-германском синдикате для общего экспорта ржи (его создание было ускорено выходом на рынок советской ржи), подчеркнув, что обе стороны не возлагают больших надежд на его деятельность. Весьма детально была проанализирована третья группа средств борьбы с кризисом — государственная помощь с ее огромными возможностями. В числе мер, предпринятых польским государством, автор рассмотрел импортные и экспортные пошлины, налоговую и кредитную политику,

железнодорожные тарифы, хлебные резервы. В заключительной части статьи, озаглавленной «Перспективы», Яновским был сделан неутешительный для польского сельского хозяйства вывод, что все меры борьбы с кризисом, «конечно, ничтожны». Капиталистическое общество беспомощно перед разразившимся кризисом и «единственная его премудрость в лозунге: “Как-нибудь переждать”, по возможности скорчившись, как человек, застигнутый врасплох ливнем». Это сравнение бывшего премьер-министра Грабского ярко характеризовало отношение польской буржуазии к борьбе с кризисом. «Между тем нынешний кризис — это ведь не простой кризис конъюнктуры, а кризис структурный»¹⁸.

На этом предметный анализ состояния польского сельского хозяйства в условиях кризиса кончился, а далее следовало донельзя политизированное видение его будущих социальных последствий: капиталистическое землеустройство рухнет, усилится расслоение деревни, крестьянство окончательно разуверится в способности фашистского правительства защитить его от кризиса. Действительный выход из сельскохозяйственного кризиса, как пафосно заявлял автор, найден «только там, по другую сторону пограничного кордона, отделяющего капиталистическую Польшу от страны рабочих и крестьян». Статья В. Яновского оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, видно, что она написана хорошим, хотя тенденциозно настроенным специалистом, разбирающимся в вопросах экономики сельского хозяйства и владеющим фактическим материалом. С другой стороны, она содержала традиционно политизированную концовку, смазывавшую в целом благоприятное впечатление. Эта манера подачи материала о Польше, начало которой было положено авторами журнала в 1920-е гг., не только сохранилась, но и будет усугублена в 1930-х гг.

В 1931 г. журнал ни разу не обращался к польской проблематике. Зато в 1932 г. на его страницах было напечатано три таких материала. Первый — статья А. Соколовского о польских партиях, выдержанная в обычном для того времени алармистском духе. Ее смысл заключался в том, что фашистская Польша якобы лихорадочно готовится к нападению на СССР, а названные кулацкими людскими партиями «Пяст» и «Вызволнение», а также ППС активно содействуют этому¹⁹. Совершенно очевидно, что автор просто излагал на польском примере коминтерновскую установку, что социал-демократические и крестьянские партии — ничто иное, как левое крыло фашизма, и задача коммунистов заключается в том, чтобы сорвать с них маску оппозиционности и разоблачить перед массами их подлинное лицо.

Несколько иным по содержанию, но чрезвычайно схожим по духу был второй материал — статья Г. Д. Аронского. В ней был объективно охарактеризован поразивший польское сельское хозяйство кризис и подробно разобран ряд его проявлений. Во-первых, рост задолженности мелкого и среднего крестьянства, достигшей 3,9 млрд злотых при валовом доходе этих слоев в 2,4 млрд злотых в год. В результате у них на каждые 100 га приходится в среднем 100 злотых налогов и долгов. Финансовое положение крестьян было также усугублено усилением налогового бремени, в 1929—1931 гг. налоги выросли на 100 %. Во-вторых, растущие «ножницы цен» на промышленные и сельскохозяйственные продукты. В-третьих, пауперизация деревни, приведшая к деградации свыше 5 млн середняцких хозяйств до уровня бедняцких, особенно в Западной Белоруссии и Западной Украине. Доля безлошадных хозяйств в Польше выросла за 1928—1931 гг. с 43 до 70 %. Аронский утверждал, что реальную помощь в борьбе с кризисом правительство оказывает только крупным хозяйствам, приведя в качестве примера налоговые послабления и кредиты князьям Любомирскому и Пшежинскому, графу Пивинскому, некоему Клецинскому²⁰. Концовка статьи посвящалась деятельности компартии по революционизированию села.

Третий материал 1932 г. — еще одна статья А. Соколовского, приуроченная к 15-летию Октября. Она практически воспроизводила схему Аронского. Упор был сделан на ухудшении положения крестьян, подкрепленном цитатами из «Зеленого штандара», «Газеты Варшавской», «Венца и пшчулки», данными о расслоении деревни, ростовщичестве, трудностях кредитования. Не остались без внимания и поддержка правительством картелей и синдикатов, оказание помощи крупным землевладельцам — князю Любомирскому, графу Потоцкому, графу Замойскому. Особое внимание было уделено борьбе крестьян, показу перерастания их акций протеста в кровавые столкновения (Лиска, Ядов), партизанское движение (Кресы восточные), бойкоты и стачки (Ломанов). В заключение подчеркивалось социальное напряжение в деревне и особо благоприятные условия для революционного выхода из кризиса. «Сочетая массовую стачечную борьбу пролетариата с развязыванием элементов аграрной революции и с национально-освободительным движением

порабощенных польским империализмом народов..., КПП ведет трудящиеся массы Польши к решающим боям за польский Октябрь»²¹.

После всплеска внимания к польской проблематике в 1932 г. редколлегия «Аграрных проблем» вновь не обращалась к ней весь 1933 г. Зато последние два года существования журнала оказались весьма «урожайными», особенно 1934 г., когда было напечатано 6 материалов. Открыла эту серию статья Бронислава Тарашкевича, по-

священная крестьянским выступлениям в Галиции в 1933 г. (С этого момента он стал постоянным автором журнала.) Статья начинается с констатации, что широкие массы в Польше доведены до отчаянной нужды, увеличивающей революционную активность не только пролетариата, но и крестьянства. В центре внимания автора оказалось массовое (более 100 тыс. участников) выступление крестьян 12 повятов Средней Галиции, сопровождавшееся вооруженными столкновениями с полицией. Особенно симптоматичным он считал то, что восстали крестьяне, несколько десятков лет находившиеся под влиянием «кулацкой» ПСЛ—«Пяст» и считавшиеся патриотически настроенными. На основании данных монографий, изданных Институтом сельского хозяйства в Пулавах, официальной статистики и польской прессы Тарашкевич осветил земельные отношения в районе восстания, состояние задолженности отдельных групп хозяйств (до 5 га, 5—10 га, 10—20 га, 20—50 га), ограбление деревни с помощью ценовой и налоговой политики, рост аграрного перенаселения, радикализацию настроений крестьянства. Последнее подтверждалось революционными выступлениями крестьян в д. Сенява Новотаргского повята (январь 1930), в д. Острувек Калишского уезда (март 1930), поджогами помещичьих усадеб на Западной Украине (лето — осень 1930). Из событий 1932 г. внимание Тарашкевича привлекло восстание в Лисском уезде (Западная Украина), охватившее 19 деревень с 10 тыс. участников, где крестьяне использовали новый метод борьбы — стачку-бойкот. Он впервые был применен в Лимановском повяте (Средняя Галиция) и быстро распространился по стране. Масштаб выступлений был таков, что, по мнению автора, партии «народников-фашистов» и «социал-фашистов», боясь потерять влияние на массы, вынуждены были поддерживать и пропагандировать эту новую форму борьбы. При этом, как отмечал Тарашкевич, «партия Витоса стремилась использовать движение бойкота в своих интересах; она стремилась противопоставить деревню городу, интересы трудящегося крестьянства — интересам пролетариата». Особо изобилует подробностями рассказ о крестьянском бунте в Ропчицком повяте Краковского воеводства (май 1933). Рассказал Тарашкевич и об акциях солидарности с галицийскими крестьянами, в том числе в Западной Белоруссии. Из анализа выступлений крестьян им был сделан ряд выводов о применявшейся ими тактике борьбы с властями и полицией²².

Существенное место в статье Тарашкевич отвел доказательству «громкой роли компартии в деле мобилизации и руководства революционным движением крестьян». Сделать это было не просто, поскольку основную роль в организации крестьянского протеста, особенно в Галиции, сыграли, как известно, людовские деятели. Поэтому Тарашкевич вынужден был как-то объяснить, почему КПП не сумела возглавить это выступление, что было ее программной и уставной задачей. В оправдание он привел ряд смягчающих обстоятельств: компартии пришлось действовать в условиях «стихийности массового движения и внезапности революционного взрыва в галицийском восстании»; имелись «некоторые организационные недочеты в деревенской работе»; «местные организации КПП были не в состоянии организационно охватить быстро развивающуюся волну повстанческого движения, отчего в некоторых местах массы остались под опекой народнико-фашистов». Тем не менее, утверждал автор статьи, «по выпущенным воззваниям и партийной литературе видно, что партия по отношению к происходящим событиям заняла правильную позицию, стараясь возглавить и охватить восстание своим руководством». Таким образом, получалось, что «громкая роль»

компартии в действительности свелась к стараниям «возглавить и охватить», а не к подлинному руководству движением масс. Именно поэтому немалая часть статьи посвящена анализу ошибок и недоработок компартии. Концовка статьи была традиционно оптимистической, с характерной для Коминтерна риторикой: «Восстание крестьян в Средней Галиции подавлено, но оно подняло польское крестьянство на путь революционной борьбы... Факты доказывают, что брожение углубляется и расширяется. Надо ожидать новых, еще более могущественных взрывов». Удачная же координация

революционных выступлений может ускорить «момент непосредственной борьбы за ниспровержение фашистского правительства, за власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Польши»²³.

В том же году со своей первой статьей выступил Я. Михальчук, также ставший постоянным автором журнала. Объектом его анализа была новая аграрная программа ППС, принятая в феврале 1934 г. Ее появление Михальчук объяснял реакцией польской буржуазии на активизацию крестьянского движения, особо выделив восстание в 1933 г., свыше 100 тыс. крестьян 12 повятов Краковского и Львовского воеводств. По его мнению, массовость этого движения и размах вооруженной борьбы «придают галицийским событиям историческое значение, сигнализируя о назревании аграрной революции как составной части социалистической революции в Польше». В этих условиях как санация, так и «оппозиционные» партии «употребляют все более “левые” маневры к тому, чтобы привлечь на свою сторону крестьянские массы». Именно таким «левым» маневром Михальчук назвал новую аграрную программу ППС. При детальном разборе ее отдельных положений он использовал также доклад по аграрному вопросу профессора Гумпловича на XXIII конгрессе ППС. Общий вывод статьи был вполне предсказуем: программа ППС по аграрному вопросу — это еще одна попытка обмануть крестьян и увести их от революционной борьбы. Поэтому «...направляя в деревне и в дальнейшем главный огонь против Людовской партии, как главного врага трудящегося крестьянства, должно одновременно усилить борьбу против увеличивших свою активность в деревне ППС и национал-демократии. В первую очередь необходимо на примере конкретной измены вождей ППС разоблачить новый ее маневр, ее новую аграрную программу, рассчитанную на предательство быстро нарастающей революции»²⁴.

Со статьей Михальчука перекликалась объемная публикация Б. Тарашкевича о польской деревне в связи с 20-летием начала Первой мировой войны. Ее пафос заключался в том, что предательство ППС и ПСЛ—«Вызволение» революции в 1918 г. позволили буржуазии удержаться у власти в Польше. Итог ее правления — ограбление трудящегося крестьянства путем аграрной реформы и налоговой системы, деградация сельского хозяйства, ужасающая нищета и жесточайший террор. Тарашкевич не только констатировал тяжелейшее положение крестьянства, но и проиллюстрировал его данными о перераспределении земли, скрытой безработице, задолженности, сокращении рождаемости вследствие голода и недоедания. Этими причинами автор и объяснял активизацию революционной борьбы крестьянства и рост численности рядов КПП с 11,6 тыс. в 1931 г. до 17,8 тыс. в 1933 г.²⁵

Примером умелого сочетания серьезного исследования и политической публицистики можно считать статью Я. Михальчука о положении сельскохозяйственных рабочих. Она была написана на основании сведений, извлеченных из анкеты Союза

сельскохозяйственных палат и организаций «О занятости рабочих рук в имениях и воеводствах за 1928/1929—1932/1933 гг.», статистики и периодики. Автор рассмотрел проблемы уменьшения доли постоянных работников в структуре наемной силы, снижения оплаты труда, ликвидации коллективных договоров, роста отработок, борьбы рабочих за свои права. В заключение было отмечено, что сельскохозяйственные рабочие еще не имеют должного внимания со стороны компартии, формулировались задачи коммунистов по работе с этим социальным слоем²⁶.

В том же номере был помещен еще один материал о Польше — статья А. Соколовского, посвященная крестьянскому движению 30-х гг. и во многом перекликавшаяся с публикациями Тарашкевича и Михальчука. Однако автор, используя фактический материал из польских источников (работы Пулавского института сельского хозяйства, статсборники, периодики), отдельно рассмотрел положение украинского и белорусского крестьянства. Новым моментом было его наблюдение: «если раньше в крестьянском движении доминировали национально-освободительные и антиналоговые элементы, то в настоящее время... выдвигаются на первый план элементы аграрной революции, т. е. захвата земель, лесов, лугов, экономий, хлеба». Поэтому автор так много внимания уделил активным формам борьбы крестьян: вооруженным восстаниям, партизанскому движению в районе Припяти, проблеме наличия у крестьян оружия. Еще одним важным сюжетом стал показ борьбы за крестьянство между людовцами и коммунистами. Завершалась статья также необычно. Вместо традиционного обещания, что в Польше вот-вот начнется социалистическая революция, Соколовский предложил конкретную программу действий КПП в крестьянской среде: просвещать крестьянство относительно его истинных целей, формулировать требования по улучшению материального положения, направлять борьбу крестьян против правительства и его аппарата на местах. Там же, где условия для этого созрели,

предлагалось организовывать явочный захват пастбищ, леса, конфисковывать у помещиков хлеб и корма, «подводя таким образом это движение вплотную к захвату земли, т. е. к аграрной революции. Вся эта борьба должна быть теснейшим образом увязана с вопросом власти, т. е. свержения фашистского правительства Пилсудского, и лозунгом организации рабоче-крестьянского правительства»²⁷.

Завершающим аккордом польской проблематики в «Аграрных проблемах» за 1934 г. стал пространный разбор Я. Михальчуком работы сотрудника института аграрного хозяйства Познанского университета В. Кшиштофика о деревне Ясенювка, Сокольского повята в Западной Белоруссии, в которой была проведена принудительная комасация. Общий тон рецензии был весьма критическим. Общий вывод гласил о провале санационной политики оздоровления земельных отношений с помощью землеустроительных работ²⁸.

Огромный интерес к польской проблематике «Аграрные проблемы» проявили и в 1935 г. (6 публикаций). Наиболее обстоятельной была статья Я. Михальчука «Состояние сельского хозяйства и крестьянское движение в Польше в 1934 г.», в которой автор поднял ряд актуальных проблем. Во-первых, акцентировалась тенденция дальнейшего обострения аграрного кризиса при незначительном росте промышленности. Во-вторых, анализировалась проблема обнищания деревни. Рассмотрев вопрос о доходах и расходах различных групп сельского населения, Михальчук заключил, что помещики и кулаки сумели переложить тяготы кризиса на плечи деревенской бедно-

ты. Значительное место заняло описание голода, который поразил даже западные районы Польши, еще недавно являвшиеся крупными экспортёрами хлеба. В-третьих, разбирались государственная аграрная политика. Автор затронул вопросы налогообложения сельского хозяйства (соответствующее законодательство и его исполнение), системы отработок (шарварочная барщина), борьбы с задолженностью деревни, эксплуатации крестьянства монополиями, положения сельхозрабочих, ограничения экономических и политических прав широких крестьянских масс (постановка кооперации и органов сельскохозяйственного управления под правительственный контроль). В-четвертых, характеризовалось революционное крестьянское движение. Были описаны забастовка лесных рабочих и возчиков-крестьян в Белостокском воеводстве, три крестьянские стачки на Волыни, антиналоговые выступления в Слонимском округе Западной Белоруссии, Люблинском и Варшавском воеводствах. Освещалась борьба крестьян против «молочного декрета», закона о рыбной ловле и закона о самоуправлении, поджоги помещичьих имений в ответ на кровавые карательные экспедиции властей, акции бойкота проправительственно настроенных учителей, депутатов коммунальных советов, осведомителей полиции, движение безработных и голодающих, самовольные вырубki лесов, обмолачивание помещичьих скирд, массовое воровство. В-пятых, Михальчук обратил внимание на все более активное участие в крестьянских выступлениях женщин и молодежи, указав на события в Уховецке под Ковелем, в Илжецком, Ченстоховском, Козеницком, Любартовском, Радомском, Пулавском поветах, борьбу молодежи Западной Украины и Западной Белоруссии за право учиться на родном языке. Тем не менее автор делал вывод, что крестьянское движение в Польше в 1934 г. носило гораздо более разобщенный характер, чем в 1932—1933 гг., большинство выступлений ограничивалось одной или несколькими деревнями. Причинами этого считались карательные экспедиции не только на восточных окраинах, но и в коренной Польше; гибкая политика в области ликвидации задолженности, помощь голодающим; отсутствие надлежащей связи между пролетарским и крестьянским движением, что использовалось Стронництвом людовым для подрыва рабоче-крестьянского союза; наконец, «левацкие ошибки отдельных коммунистических организаций в деревне (пренебрежительное отношение к стихийным формам борьбы и к требованиям, выдвигаемым крестьянскими массами)». Зато активизировалось забастовочное движение постоянных и сезонных сельхозрабочих (забастовки в 11 поветах этнической Польши, Волыни и Западной Белоруссии)²⁹.

Михальчук выделил, наряду с другими, три наиболее характерные свидетельства радикализации деревни: 1. Полевение крестьянских писателей, о чем говорила резолюция, принятая на съезде народных (людовских) литераторов. 2. Большой интерес польской деревни к социалистическому строительству в СССР, который выявила широкая дискуссия в польской печати, особенно в крестьянской, вокруг вопроса о колхозах. В качестве примера изменения оценки левыми польскими силами преобразований в советском сельском хозяйстве Михальчук назвал позицию Т. Ночницкого, изложенную в 1934 г. в октябрьском номере «Млодей мысли людовой», а также пепезовскую газету «Хлопская правда». 3. Полевения в рядах Стронництва людового и Союза сельской молодежи «Вици».

Об этом свидетельствовала попытка проправительственной группы Вроны в СЛ прикрыть свой действительный характер «разнузданной левой фразеологией». О том же говорили и участие рядовых членов СЛ в

акции в защиту Э. Тельмана, и выступление за единый фронт с коммунистами нескольких десятков кружков на воеводском съезде «Вици» в Люблине. Полевение людовского движения, полагал автор статьи, позволяет КПП начать формирование массовой оппозиции в различных крестьянских организациях, особенно охваченных влиянием Народной партии, и в самой Народной партии. Это считалось чрезвычайно важным, так как одни лишь сельхозкооперативы насчитывали до 2—3 млн членов, пожарная охрана — 400 тыс. крестьян, католическое объединение молодежи (прежде всего крестьянской) — 300 тыс. членов, Народная партия вместе со своими подсобными организациями (профсоюз земледельцев, профсоюз деревенской молодежи «Вици») — 200—250 тыс. членов. «Низы этих организаций все более освобождаются от опеки помещичье-кулацкого руководства. Тем более коммунисты должны усилить оппозиционную работу в этих организациях, создавая одновременно всякого рода самостоятельные массовые крестьянские организации»³⁰. Таким образом, Михальчук говорил о диверсии КПП в отношении людовского движения, что, однако, было практически невозможно из-за ограниченного влияния коммунистов в деревне и непривлекательности их аграрной программы для крестьян.

В следующей книжке редколлегия поместила несколько материалов по проблемам польского села и крестьянского движения. Главным из них, несомненно, была пространная рецензия Я. Михальчука на изданные Институтом общественного хозяйства «Мемуары крестьян» (Pamiętniki chłorów). Рецензент весьма строго осудил издателей за тенденциозный, по его мнению, отбор крестьянских жизнеописаний, нежелание печатать свидетельства политического содержания, ограничение круга потенциальных участников конкурса только читателями правительственной и людовской прессы, за то, что «конкурс... имел целью прозондировать настроения крестьянской массы, дабы облегчить буржуазии успешную борьбу с революционным крестьянским движением». Однако содержание самих мемуаров Михальчук оценил высоко, назвав их «обвинением по адресу фашизма, ответственного за чрезмерные страдания и нищету широких крестьянских масс буржуазной Польши». Именно под таким углом зрения он проанализировал содержание этого фундаментального источника по истории польского села по следующим позициям: экономическое положение деревни, крестьянский быт, неуверенность в завтрашнем дне, политические настроения, фашистский террор³¹.

В том же номере в разделе «Хроника» была опубликована информация по двум сюжетам. Во-первых, сообщение о II съезде людовских писателей Польши, показавшем полевение «передовой части крестьянских писателей», а также резолюции I и II писательских съездов. Во-вторых, описание борьбы польских крестьян с шарварочной барщиной, в частности выступления в мае—июне 1935 г. в Сувалкском повяте. Были приведены данные о размерах этой повинности и ее тяжести для крестьян³².

Развивая тему своей последней статьи, Я. Михальчук предложил вниманию читателей обзор, посвященный откликам в Польше на коллективизацию в СССР. Лейтмотивом являлся неподдельный интерес польских крестьян и рабочих к социалистическому переустройству аграрного сектора, что заставило ППС и Стронництво людовое изменить свой тон в отношении коллективизации. С этой целью автор использовал публикации из пепезовской («Хлопска правда», «Роботник», «Левы тор»), людовской (статьи Т. Ночницкого за 1933—1934 гг., С. Милковского и Ю. Нечьки в

«Млодей мысли людовой») и проправительственной («Курьер поранны», «Газета польска», «Рольництво») периодики. Ярким свидетельством популярности идеи коллективизации Михальчук назвал попытки создания производственных кооперативов в Радеховском уезде и имении Копцёвице в Верхней Силезии. Однако надежды их создателей он подверг резкой критике, поскольку фашистское государство может организовать не подлинные коллективные хозяйства, а только кулацкие кооперативы или «лагеря принудительного труда»³³.

Последней публикацией 1935 г. по польской проблематике стал подготовленный Я. Михальчуком еще один обзор — о жизни различных групп трудящихся в Польше. Для этого были привлечены четыре публикации: И. Михаловский. «В деревне нет работы»; Э. Крахельская, С. Прусс. «Жизнь

безработных»; А. Минковская. «Безработная семья»; А. Арнекер. «Проявления кризиса в ремесле и домашних промыслах»³⁴. Подбор работ предопределял однозначно негативный вывод обзора.

Анализ представления проблем сельского хозяйства и крестьянского движения в Польше на страницах журнала «Аграрные проблемы» за 1927—1935 гг. позволяет сделать вывод о том, что его редколлегия и авторы последовательно придерживались установок, сформулированных еще в 1926 г. создателями Международного аграрного института в Москве. С одной стороны, давалась выверенная информация о процессах, происходящих в польском сельском хозяйстве, а с другой — решалась задача революционного воспитания крестьянства. На практике такое совмещение оказалось малорезультативным. Анализ развития села сводился чаще всего к акцентированию переживаемых им трудностей и критике мер правительства в аграрной сфере. В результате из поля зрения авторов чаще всего исчезали происходившие там позитивные перемены. В таких условиях не представлялось возможным дать объективную картину состояния польского сельского хозяйства. Еще хуже обстояло дело с анализом состояния крестьянского движения в Польше. В этом вопросе редколлегия журнала находилась в полной зависимости от установок Коминтерна по аграрному вопросу, вопросу о революции, союзниках пролетариата. Поэтому в журнале не было напечатано ни одной статьи, которая бы в истинном свете показала состояние политической организации польского крестьянства, его основные партии, их программы и методы борьбы за интересы крестьян.

Говоря о несомненной тенденциозности редколлегии и авторов журнала при отборе и подаче материала о польском сельском хозяйстве и крестьянском движении, вместе с тем нельзя не отметить, что «Аграрные проблемы» все же давали заинтересованному читателю большой объем достоверных, пусть и односторонне подобранных, фактов, знакомили с наиболее заметными публикациями польских экономистов-аграрников. В настоящее время в России, Беларуси, Украине нет ни одного периодического издания, включая Интернет, которое давало бы близкую по объему информацию не то что о польском сельском хозяйстве, но и о Польше в целом.

¹ К пленуму Международного крестьянского совета // Крестьянский Интернационал. Орган Международного крестьянского совета (Крестинтерна). М., 1925. № 1—2. С. 3—5.

² Открытие МАИ // Аграрные проблемы. 1927. Кн. 1. С. 174.

³ Устав МАИ // Крестьянский Интернационал. 1925. № 10. С. 95.

⁴ Доклад Т. Домбала на II пленуме МКС «Задачи и достижения Крестинтерна» // Там же. 1925. № 3—4. С. 45—46.

⁵ Открытие МАИ // Аграрные проблемы. 1927. Кн. 1. С. 174—177.

⁶ Отчет о деятельности МАИ // Там же. 1930. Кн. 6—7. С. 207—215.

⁷ Дубровский С. М. Современный аграрный вопрос и задачи его изучения // Там же. 1927. Кн. 1. С. 23—26.

⁸ Яркин Ю. К вопросу об аграрной политике в Польше // Там же. С. 200—202.

⁹ Там же. С. 203, 205.

¹⁰ Хроника крестьянского движения. Польша // Там же. С. 158—161.

¹¹ Червец Оскар. Обзор политики фашистского правительства и положения крестьянства в Польше // Там же. 1928. Кн. 4 (8). Август. С. 121, 123—124, 132.

¹² Орловский Э. Рец. на: Dr. K. Bartel. Wykresy charakteryzujące rozwój życia gospodarczego Polski w latach 1924—1927 włącznie. Warszawa, 1928. С. 201.

¹³ Брун Ю. Рец. на: Konderski Wacław. Problem sfinansowania reformy rolnej. Warszawa, 1928. С. 169, 171.

¹⁴ Мировое статистическое обозрение // Аграрные проблемы. 1929. Кн. 3. С. 152.

¹⁵ Крестинтерн // Конгрессу трудящихся крестьян Европы // Аграрные проблемы. 1930. Кн. 1. С. 143—146.

¹⁶ Первый европейский конгресс трудящегося крестьянства // Аграрные проблемы. 1930. Кн. 4—5. С. 4.

¹⁷ Яновский В. Сельскохозяйственный кризис в Польше // Аграрные проблемы. 1930. Кн. 6—7. С. 85—89, 91—93.

¹⁸ Там же. С. 94—97.

¹⁹ Соколовский А. Роль кулацких партий и ППС в подготовке интервенции // Аграрные проблемы. 1932. Кн. 1—2. С. 54—64.

²⁰ Аронский Г. Д. Революционное движение крестьян в Польше // Аграрные проблемы. 1932. Кн. 3—4. С. 32—33.

²¹ Соколовский А. Революционная борьба крестьянства в Польше. К XV годовщине Октября // Аграрные проблемы. 1932. Кн. 10—11. С. 132—143.

²² Тарашкевич Б. Крестьянское восстание в Галиции // Аграрные проблемы. 1934. Кн. 1—2. С. 70, 74.

²³ Там же. С. 82—83, 85.

²⁴ Михальчук Я. Новый обман ППС (Новая аграрная программа ППС) // Аграрные проблемы. 1934. Кн. 3—4. С. 41—42, 56.

²⁵ Тарашкевич Б. Польская деревня (К 20-летию империалистической войны) // Аграрные проблемы. 1934. Кн. 7—8. С. 93—104.

²⁶ Михальчук Я. Положение сельскохозяйственного пролетариата в Польше в годы кризиса // Аграрные проблемы. 1934. Кн. 9—10. С. 67—87.

²⁷ Соколовский А. Крестьянское движение в Польше // Аграрные проблемы. 1934. Кн. 10—11. С. 132—143.

²⁸ Михальчук Я. Krzysztofik W. Jasiniówka, wieś sokólskiego powiatu. Instytut gospodarki agrarnej Uniwersytetu Poznańskiego // Аграрные проблемы. 1934. Кн. 11—12. С. 155—158.

²⁹ Михальчук Я. Состояние сельского хозяйства и крестьянское движение в Польше в 1934 г. // Аграрные проблемы. 1935. Кн. 1—2. С. 108—121.

³⁰ Там же. С. 128.

³¹ Михальчук Я. «Крестьянские мемуары» (польская деревня в свете крестьянских жизнеописаний). История одной книжки // Аграрные проблемы. 1935. Кн. 3. С. 68—86.

³² Хроника. Польша // Аграрные проблемы. 1935. Кн. 3. С. 152—154.

³³ Михальчук Я. Отклики в Польше на коллективизацию в СССР // Аграрные проблемы. 1935. Кн. 4. С. 130—137.

³⁴ Михальчук Я. Как живут трудящиеся Польши под властью фашизма // Аграрные проблемы. 1935. Кн. 5—6. С. 158—173.